

Вячеслав Петрович Волгин

ПЬЕР ЛЕРУ — ОДИН ИЗ ЭПИГОНОВ СЕН-СИМОНИЗМА

Французский ежегодник 1962

М.: Наука. 1963. С.150-179

Веб-публикация: Vive Liberta, 2011

Ссылки на материалы к теме даны нами после статьи

сен-симонизм как система утопического социализма достиг своего высшего развития в конце 20-х годов XIX века. В 1830 году появилось крупнейшее и наиболее содержательное произведение сен-симонистской школы «Изложение учения Сен-Симона». В первые годы Июльской монархии сен-симонизм пережил глубокий внутренний кризис, приведший к его расколу. К 1834 году сен-симонизм как особое организованное течение социальной мысли исчезает. Эти последние годы существования школы не представляют для истории социализма такого интереса, как годы, предшествовавшие июльской революции. Но организационная и пропагандистская деятельность сен-симонистов в 1830—1834 годы в не малой мере содействовала распространению основных положений, выработанных школой ранее, и с этой точки зрения заслуживает внимания историка.

Среди социальных мыслителей последующего периода было мало людей, не испытавших на себе в той или иной степени идейного влияния сен-симонизма. Одним из таких мыслителей был Пьер Леру, писатель, пользовавшийся в 30—40-х годах XIX века большой известностью не только во Франции, но и за ее пределами.

Пьер Леру (1797—1871) происходил из парижской мелкобуржуазной семьи. В 1814 году в связи со смертью отца и необходимостью содержать семью Леру был вынужден отказаться от поступления в Политехническую школу. Став типографским рабочим, он вступил в непосредственное общение с пролетариатом. Это оказало несомненное влияние на его дальнейшее идейное развитие.

В 1824 году Леру организовал издание журнала «Le Globe», к участию в котором он привлек ряд видных представителей либеральной и радикальной интеллигенции времен Реставрации. В журнале, который отнюдь не был социалистическим, уделялось значительное внимание социальным проблемам. В нем появлялись заметки на такие темы, как «эмансипация ремесленников», сочувственно обсуждались опыты производственной и потребительской кооперации. В 1825 году журналом заинтересовался Сен-Симон, что имело своим результатом встречу Леру с Сен-Симоном. Повидимому, Леру уже тогда был по своим настроениям близок к сен-симонизму.

В октябре 1830 года Леру реорганизовал «Le Globe», превратив его в орган сен-симонистов. В 1831 году он принимает самое деятельное участие в сен-симонистской пропаганде, выступая с лекциями в Бельгии,

а также в Лионе и в других городах юга Франции. Но правоверным сен-симонистом Леру оставался недолго. В конце 1831 года он одновременно с Базаром вышел из сен-симонистской организации. Впоследствии Леру утверждал, что он отделился от сен-симонизма, чтобы защищать «возвышение пролетариата» и «отмену привилегий буржуазии». Последующие годы были временем наиболее интенсивной литературной деятельности Леру, выработки им собственной доктрины, годами его наибольшей популярности. В 1831—1835 годах он сотрудничал в журнале «La Revue Encyclopédique». В конце 30-х и начале 40-х годов им были написаны его основные философские работы: «De l'Égalité», «De l'Humanité», «Réfutation de l'éclectisme». В 1845 году он основал журнал «La Revue sociale».

К 40-м годам относится также выход его книг по социально-экономическим вопросам, составленных главным образом из статей, напечатанных им ранее в журналах «De la Ploutocratie», «Maltus et les économistes», «Le cartosse de M. Aguado». Более поздние произведения Леру посвящены по преимуществу вопросам религии и не представляют значительного интереса. Многие современники приписывали произведениям Леру такое же историческое значение, как «Общественному договору» Руссо. Гейне в своих корреспонденциях из Франции называл Пьера Леру одним из ее крупнейших философов. В русских радикальных кружках 40-х годов XIX века имя Леру ставили рядом с именами Сен-Симона и Фурье. Жорж Санд считала себя «бедной копией» Леру, его фанатической ученицей. Социальные романы Жорж Санд написаны, несомненно, под влиянием Леру, а некоторые, возможно, и под его редакцией. Бесспорно также влияние Леру на Виктора Гюго.

Но слава Леру была непродолжительна. Во время революции 1848 года он не играл сколько-нибудь значительной роли, хотя и был избран членом Учредительного собрания. Среди его выступлений этого периода заслуживает быть отмеченным протест против кровавой расправы с пролетариатом в июньские дни. Составленный им проект конституции Второй республики лишь закрепил за ним репутацию чудака-прожектера. После 1848 года о Пьере Леру как социальном мыслителе уже почти не вспоминали. Умер Леру в апреле 1871 года во время Парижской Коммуны. На заседании Коммуны 13 апреля 1871 года по предложению Тридона было принято решение направить двух членов Коммуны на похороны Пьера Леру. При этом Коммуна сочла необходимым оговорить, что «она оказывает эту честь не философу, принадлежащему к мистической школе..., но политическому деятелю, который после июньских дней 1848 года смело выступил на защиту побежденных».

I

Леру считал себя продолжателем дела Сен-Симона. Основную заслугу Сен-Симона он видел в разработке проблем социальной науки. Для Леру это наука о законах исторического развития человечества, о его прогрессе («La doctrine de la perfectibilité»). В то же время это наука о будущем, наука о «порядке и организации» общества, нормативная доктрина жизни и спасения, которую Леру противопоставляет программам политических партий. Будущее, указывал Леру, есть неизбежный результат исторического процесса. Прошлое и будущее связаны в последовательных проявлениях бытия. Теории будущего хороши лишь постольку, поскольку они не оторваны от земли, не уносятся в область мечты.

Но Леру был далек от научного понимания закономерностей исторического процесса. Как и у многих других утолистов, исторический процесс у него является осуществлением провиденциального плана. Идея про-

видения, ведущего человечество к некоей высшей цели, не вполне чужда и сен-симонистам. У Леру она формулирована особенно отчетливо. Как мы еще увидим, Леру часто заявляет, что христианство — доктрина устаревшая. Тем не менее в учении Леру об обществе и человеке немало черт, своеобразно отражающих те или иные положения христианской доктрины. К числу таких черт следует отнести склонность Леру к триадам — своего рода навязчивому представлению, восходящему к христианскому учению о триединстве бога. Тройственна природа человека: опущение, чувство, познание; три стороны природы человека проявляются в общественной жизни последовательно в свободе, братстве, равенстве. Тем же трем сторонам соответствуют три проявления человеческой деятельности: промышленность, искусство, наука. Триада отражается также и в историческом процессе: человечество проходит на своем жизненном пути три стадии — детство, которому соответствует свобода, юность, которому соответствует братство, зрелый возраст, которому соответствует равенство. Закон развития западных обществ отражает закон развития индивида. Тройственна также форма общения человека с себе подобными и с природой: семья, нация, собственность. Высший политический орган состоит из трех палат. Вообще исторические воззрения и выводы Леру зачастую очень тонки и интересны, однако их не всегда легко освободить от окутывающего их густого тумана малопонятной метафизики и мистики.

Мир, утверждает Леру, представляет зрелище непрерывной борьбы, борьбы элементов с целым, борьбы видов друг с другом. Для человеческого общества также, если присмотреться к нему внимательно, характерна постоянная борьба. Целью этой борьбы отнюдь не является, как полагал Вольтер, счастье человечества. Целью является не счастье, а движение вперед, достижение более высокого совершенства. Отдельные люди ищут своего благополучия, но они никогда его не находят. Берег, которого они стремятся достигнуть, непрерывно от них удаляется. Нельзя найти покоя в мире, где все — перемена ¹.

В произведениях Леру мы находим немало отдельных замечаний, характеризующих значение для развития человечества отдельных моментов в истории религии и отдельных течений философской мысли. Интересно его замечание об эпикуреизме как течении, возникающем на развалинах язычества; интересны его указания на связь христианства с философией Платона и стоицизмом. Христианство, утверждает Леру, приняло философию Платона и этику Зенона, осудило и отвергло природу и жизнь; таково оно было при своем возникновении. Ныне выродившееся христианство, отказываясь от своих первоначальных принципов, позорно старается найти способ устроить свои дела на земле. Но разработанной общей схемы развития человечества мы у него не находим.

Конечной целью всего пути человеческого рода Леру считает равенство. Идея равенства занимает центральное место в общественной философии Леру; в этом одно из главных его отличий от сен-симонизма. Слово «равенство», по Леру, резюмирует всю прошлую жизнь человечества. Все гениальные творцы создавали свои, сменявшие одна другую системы для того, чтобы могло осуществиться равенство; для той же цели были совершены все открытия, велись все войны; во имя равенства человечество на протяжении столетий пролило кровь и пот. Сократ и Иисус отдали жизнь для того, чтобы люди пришли к понятию равенства. Но для того же были изобретены буссоль и книгопечатание, была открыта Америка. Во имя этой цели прошли по земле Цезарь и Александр, во имя ее рабы строили дороги, прокладывая пути армиям завоевателей ².

¹ P. L e r o u x. De l'Humanité. Paris, 1848, p. 15, 33, 35.

² P. L e r o u x. De l'Égalité. Paris, 1848, p. 270.

Прогресс, закон рода человеческого, состоит в осуществлении равенства во все больших размерах. Этот прогресс никогда еще не шел с такой быстротой, как ныне. Все великие религии, философии и законодательства содержат зародыш равенства. Религия является в своей сущности выражением человеческой солидарности; равенство является одной стороной этой солидарности.

Основное препятствие на пути осуществления равенства, следовательно на пути прогресса, составляют касты. В истории следуют один за другим три режима каст: режим каст семьи, режим каст родины, режим каст собственности. Преодолевая ту форму каст, которая имеет в основе собственность и которая создана феодальным порядком, равенство должно стать подлинным равенством; оно объединит всех людей в едином и общем праве³. Таким образом, подлинное равенство возникает после трех фаз неравенства. Выход из режима каст — выход из рабства к свободе. В настоящий момент человечество находится между двух миров: миром неравенства и рабства, который заканчивает свое существование, и миром равенства, который начинается. Свободное общение со всем человечеством составляет интерес и право индивида.

Деление человечества на отличные друг от друга разряды, как бы они ни назывались, преступно. Сами по себе семья, родина и собственность — благо для человечества. Но из них вырастает три вида рабства: рабство, связанное с семьей, связанное с государством и связанное с собственностью. Возникший со времени вторжения варваров режим каст собственности существует, утверждает Леру, вплоть до нашего времени. Как бы конкретизируя свои суждения о смене в жизни человечества различных «режимов каст», Леру различает древний режим каст, соответствующий, очевидно, родовому строю, средний режим каст, соответствующий античности, и режим современных каст, охватывающий новую историю человечества, начиная с возникновения феодализма. Нынешняя собственность, подчеркивает при этом Леру, рожденная в недрах феодальной собственности, имеет ту же природу.

Но в настоящее время этот последний режим каст представляет собою уже руины. Из этих руин восстает новый человек, который несет в своем сердце наставления христианства и философии. Этот новый человек видит в земле наследие всех людей. Во всех предшествовавших ему поколениях человечества он видит своих предков. Он чувствует себя связанным со всем и имеет право на все. Все подготавливается к величайшей трансформации. Человечество ищет града, основанного на братстве, равенстве, единстве. Пока эти принципы не реализованы, страдания человеческого рода будут продолжаться, все более возрастая.

Цель жизни человеческого существа, продолжает Леру, — реализовать в возможно более полной мере, в единстве и общении, все три аспекта человеческого бытия. Всякое родившееся человеческое существо носит в себе тип рода человеческого. Оно предназначено в своем развитии войти в общество в качестве гражданина, члена ассоциации, выполняющего ту или иную общественную функцию. Свобода — это возможность для каждого человеческого существа проявлять в обществе самого себя. Это проявление невозможно, когда человек подчинен другому человеку или эксплуатируется им. Равенство — это обеспеченная возможность для каждого индивида пользоваться теми же благами и возможностями, что и другие, без подчинения другому лицу.

Основной общественной ячейкой, по мнению Леру, должна считаться триада, то есть ассоциация трех человеческих существ, каждое из которых наиболее полно выражает в отпращивании общественной функции.

³ P. Leroux. De l'Egalité. Paris, 1848, p. 257.

преобладание одной из сторон человеческой природы (ощущение, чувство, сознание). Основные органы власти состоят из триады административной, триады воспитательной, триады законодательной и т. д. Все они избираются членами коммуны и в свою очередь посылают своих представителей в общее правление (*Gérance*). Центральное правление организует внутреннюю жизнь коммуны: занимается распределением труда в коммуне, содействует росту производства, организует финансы, заботится о справедливом распределении продуктов, об их производстве, о внешних сношениях.

Ступени, по которым человечество поднимается к равенству, определяются в системе Леру сменяющимися религиозными учениями. Религия раскрывалась постепенно — отсюда постепенное совершенствование рода человеческого. Эта черта является общей для всех мыслителей, воспитавшихся в сен-симонистской школе. Основы религии вечны, ее проявления меняются с прогрессом знаний. Все религии, которые последовательно сменяли друг друга у различных народов, — «преходящие и прогрессивные формы вечной истины». Религия, по Леру, — синтез достижений человечества, синтез, составляющий основу всей его практической деятельности. Не отделяйте религии от общества, говорит Леру; это все равно что отделять голову от туловища. Общество без религии — либо абстракция, либо абсурд, химера, какой никогда не существовало. Мысль человеческая едина: она и религиозна и социальна; в ней социальная и религиозная стороны порождают друг друга и соответствуют друг другу. Бог — фундамент, база всего сущего. Нельзя понять бытие, игнорируя религию, которая служит опорой бытия и его проявлением в нашем сознании. Данной земле соответствует данное небо, и наоборот. Для того чтобы совершенствовать нас самих, человечество, мир, надо найти точку опоры в боге.

Для понимания задач прогресса, для усовершенствования человека, для усиления его власти над природой необходимо, утверждает Леру, внимательное изучение прошлого и настоящего. Точкой опоры для движения вперед служит общность человеческого рода, взаимная солидарность людей. Существует коллективное бытие человечества, выражающееся в связи поколений бывших и грядущих. Благополучие, польза, страсти, эгоизм отдельного человека не могут быть поняты вне рамок общего вопроса о соотношении человека и человечества. Пытаясь разрешить этот общий вопрос, Леру дает следующую весьма туманную формулировку положения о связи жизни индивида с жизнью человечества: наша жизнь, говорит он, не только в нас, но и в других людях, нам подобных, во всем человечестве ⁴.

Леру не признает сен-симонистского деления исторических эпох на органические и критические. Но он вводит понятие промежуточных эпох, отделяющих время господства старой религии от времени полного утверждения новой («des époques intermédiaires»). Такова была, например, эпоха Эпикура между временем господства античной религии и христианством. Точно так же и теперь, полагает Леру, человечество находится «между двумя мирами: миром, который кончается, и новым миром, который начинается» ⁵.

Этот старый мир есть средневековое общество, которое Леру, следуя за Сен-Симоном, называет теологическим и феодальным. В основе этого общества лежал, по мнению Леру, христианский «синтез», религиозная система, которую, однако, не следует отождествлять с учением Евангелия. Краеугольным камнем средневековой христианской системы была та мысль, что земля — место испытаний, как бы преддверие неба, где чело-

⁴ P. Leroux. De l'Humanité, p. XIII, XIV, 3, 4, 5, 8.

⁵ P. Leroux. De l'Egalité, p. 55.

век будет вознагражден за земные страдания. Человек верил, что после земной жизни его ждет небо или ад. Чем тяжелее было его положение, тем сильнее была его вера в небесную справедливость. Будущая жизнь служила дополнением к жизни земной и возмещением за нее. Человеку было трудно вырваться из этого круга. Для несчастных земная жизнь была как бы переходом к жизни небесной. Вера в эти басни христианства обуславливалась страшными страданиями земной жизни того времени. Небо и земля уравнивали друг друга. Человеческий ум, видя *такую* землю, не мог сомневаться в *таком* небе; веря в *такое* небо, примирались с *такой* землей. Но когда эта средневековая вера умерла, должно было умереть и средневековое общество.

Разрушение средневековой веры является, по мысли Леру, результатом просвещения. Пока светское общество было невежественно, оно находилось в рабстве у духовенства. По мере того как оно просвещалось, оно приходило к сознанию, что имеет право быть свободным. Возрождение, протестантизм, философия — таковы основные фазы его освобождения. Леру весьма высоко оценивает заслуги французской философии XVIII века, ее пропаганду идей свободы и равенства, ее веру в прогресс, ее тенденцию к радикальному изменению человеческих отношений. Философы, говорит он, убедили народ в том, что короли, знать и духовенство недостойны управлять людьми, так как они не занимают среди людей первого места ни в сфере чувства, ни в сфере разума, ни в сфере труда. И наученный философами народ сверг власть короля, знати и духовенства, расчистив путь для дальнейшего прогресса. Наследство XVIII века, писал Леру, должно быть сохранено и умножено XIX веком. Но живая мысль XVIII века, должна быть освобождена от той формы, в которую она была облечена, — от скептицизма. Впрочем, Леру признавал, что в свое время скептицизм и атеизм сыграли положительную роль: они способствовали необходимому разложению старой доктрины, разрушению старых предрассудков — без этого невозможен был новый синтез.

Христианство, утверждал Леру, подняло человечество на высшую ступень, возвестив ему его судьбу, присоединив к воспоминаниям о золотом веке в прошлом пророчество о золотом веке в будущем, когда человек вновь обретет свое счастье. Но затем общество распалось на две части, причем провозглашенные христианством принципы общности и равенства сохранили силу только для одной части, другая продолжала жить прежней жизнью. Теперь, когда первое, «религиозное», общество разрушено, осталось только одно общество, и ныне принципы, проповедовавшиеся христианством столько лет, должны быть постепенно осуществлены этим единым обществом.

Христианство противопоставило нас нам подобным, противопоставило нас миру. Оно никогда не могло дать нам в боге счастье, благо, красоту, справедливость. Отсюда отрицательное отношение христиан к жизни и к природе. Отсюда их рай и их ад одинаково химеричны, ибо они одинаково находятся вне жизни. Представляя себе спасение людей вне жизни, вне природы, они и бога помещают вне жизни, вне природы. Христиане претендовали победить природу в самих себе, как и в других людях, осуждая вместе с извращениями эгоизма также самый его принцип, необходимый и святой. Ибо эгоизм, осознав свой истинный интерес и свое право, требует общения со всем человечеством полностью. Отсюда их догма о предстоящем конце мира. Отсюда двойственность власти мирской и духовной, государства и церкви. Впрочем, оговаривается Леру, время конца христианства еще не наступило. Оно должно еще совершить работу по подготовке перехода к новой системе: оно должно подготовить людей при помощи мистической общности во Христе к общности реальной. Для того чтобы выполнить эту задачу, христианство должно проповедовать

не конец мира, а прогресс, совершенствование мира ⁶. Христианство, реформация, философия — таковы три акта великой драмы, приближающейся к развязке.

Современное общество распылено, говорит Леру. И оно останется таким, пока общий закон не просветит умы, не наполнит сердца. Такой общий закон должен дать новый синтез — проповедуемую Леру религию «Человечества». Идея «Человечества», утверждает Леру, лежала в основе христианства, иудаизма и всех прочих позитивных религий, как и всех позитивных философий. Это как бы определенный высший закон, отвечающий планам божества. В этом смысле древние религии и философии были поистине божественны. Бог, истинный бог, постоянно обнаруживается нами в откровении вечном и наследственном. Человечество — царь и его век неизбежно придет. Место, место на земле, восклицает Леру, для рода человеческого!

Все страдания человечества ведут к новому синтезу, который должен его исцелить. Восстановление старого, христианского синтеза невозможно, подчеркивает Леру. Он так же непригоден, как предшествовавшие ему доктрины: платонизм, эпикуреизм, стоицизм. Мы верим в необходимость нового общего синтеза человеческого знания, говорит он, и мы не верим в реставрацию старого синтеза — христианства, ныне лежащего в развалинах ⁷.

Укоренившееся почтение к христианству является одним из главных препятствий на пути к прогрессу. Леру призывает отвергнуть католицизм под любыми масками, даже если бы он пытался воплотиться в Робеспьере как законном наследнике Григория VII и инквизиции. Леру гордится тем, что ему удалось открыть религию «Человечества» в такое время, когда человечество представляется ни во что не верующим; но вера в человечество существовала в скрытом состоянии, — и счастье в том, что это, наконец, понято. Среди развалин христианства и общества люди были в отчаянии. Якобинцы тщетно искали принцип, который мог бы придать обществу прочность. Это им не удалось. Но прогресс не может остановиться. Среди тьмы для нас воссиял луч света: мы возымали веру в бога, «сущего в Человечестве», в прогрессе мы обрели идеал.

Любите бога в вас и в других, восклицает Леру. Не отделяйте бога от других существ. Бог не проявляется вне мира, и наша жизнь не отделена от жизни других существ. Индивид не является существом, изолированным от других индивидов. Живя в нормальном порядке природы и жизни, он находится в общении со всеми другими людьми, получая от них и давая им. Бытие отдельного человека неотделимо от человечества. Человечество объединяет в своем лоне меня и мне подобных. Человечество есть идеальное бытие, состоящее из множества существований, которые сами по себе — человечество в потенциальном состоянии. Человек есть реальное бытие, в котором живет в потенциальном состоянии идеальное бытие, именуемое человечеством. Человек есть человечество в своеобразном проявлении. Человеческая жизнь — это сознание, чувство, ощущение, которые представляют результат сосуществования человека с обществом. Человечество, отделенное от нашего собственного существования, не существует. Не ищите человечество вне нас ⁸. Вы исходите из человечества, вы живете в человечестве, вы живете для человечества. Человек с его чувствами создан бесконечным рядом его предков. Образованию твоего ума и твоих чувств способствовало все человечество в целом. Великие умы порождены человечеством. Они не имели бы никакого значения для буду-

⁶ P. Leroux. De l'Humanité, p. 167, 169, 171.

⁷ P. Leroux. De la Philosophie et de Christianisme. — «La Revue Encyclopédique», 1832.

⁸ P. Leroux. De l'Humanité, p. 167, 200—205.

щего человечества без этой связи с ним. Человечество дает им жизнь, материалы, душу, ум, силу; оно эффективно входит во все моменты жизни человека.

Каждый человек носит в себе человечество. Если предположить, что каждый индивид вмещает в себе бесконечное развитие человечества, то возможно ли, что он проходит в человечестве без следа и без возврата? ⁹ Совершенствование индивида есть совершенствование человечества.

Будущая жизнь есть развитие и продолжение настоящей жизни. Мы родимся не только как порождение и наследники всех предыдущих поколений, мы сами — эти поколения. Дети, которые рождаются, имеют определенные воспоминания об их прежнем существовании. Из всего этого хода рассуждений Леру делает вывод, который давал основание многим считать его сторонником метапсихоза. Вслед за Платоном, Декартом, Лейбницем, Леру утверждает, что это бытие, которое считают родившимся вчера и которому предстоит умереть завтра, есть вечное бытие, которое существовало раньше его настоящей жизни и которое будет существовать после ее окончания.

Новый человек получает от человечества все его характерные черты. Но он есть в то же время некий индивид, «я»; может ли быть, чтобы это «я» возникало из ничего? Излагаемую им систему Леру именует системой возрождения, которую он противопоставляет системе переселения душ. Эта система объясняет, по мнению Леру, и смутное воспоминание о предыдущих существованиях и необоснованные симпатии людей друг к другу ¹⁰. Так, Леру, отвергнув христианскую идею вечной жизни, приходит к выводу о бессмертии человека в лоне человечества: каждый из нас, утверждает он, возродится, но возродится в лоне человечества. Леру убежден, что эту его концепцию разделяли многие выдающиеся мыслители древнего мира: Вергилий, Платон, Пифагор, Аполлоний.

Свое учение Леру считает новой религией, которая должна сменить предшествующие. Критика, говорит он, разрушила старые формы религии, разрушила религию Моисея и христианство. Но существа религии, истины, скрытой в лоне религий, она поколебать не могла. Религия продолжает свое существование и стоит непоколебимо на руинах своих предшественниц ¹¹.

До настоящего времени общество не имело религиозного принципа, теперь оно его имеет в религии человечества. «Мы не дети Иисуса, — заявляет Леру, — мы не дети Моисея, мы — дети Человечества». Основная идея новой религии — спасение на земле. Не надо отказываться от земли и от жизни, надо их усовершенствовать. Не надо думать о воображаемом рае и воображаемом аде, рай должен осуществиться на земле. Земля не есть нечто неизменное; истинное небо — бесконечная проекция нашей земной жизни.

Идея «спасения на земле» и стремление обеспечить это «спасение» для всех людей, переносивших в прошлом и переносящих сейчас земные страдания, приводит Леру к мистическому учению о «непрерывности» жизни человечества и его «единстве во времени». Каждый человек, говорит Леру, отражает в себе все общество, каждый человек есть своеобразное проявление своего века, своего народа и своего поколения, каждый человек есть человечество. Человек связан с предыдущими поколениями и с их прогрессом. Человек мыслит не сам по себе. Он мыслит так или иначе, потому что другие мыслили до него, потому что эти мысли предшественников воплотились в мире. Наши мысли детерминированы прошлым. Мы не только дети и потомство тех, кто уже жил: в своей основе мы сами — более

⁹ Ibid., p. 205—215.

¹⁰ Ibid., p. 216—225, 229.

¹¹ Ibid., p. 403—408.

ранние поколения. Каждый, участвуя в горестях, сопряженных с прогрессом, неизбежно принимает участие в его благих результатах. Некоторые формулировки Леру позволяют думать, что мысль о «непрерывности» жизни человека в человечестве приводела его иногда к совершенно фантастическому представлению о повторности земной жизни индивида.

«Спасение на земле» в философии Леру, несомненно, родственно сен-симонистской «реабилитации плоти». Социальный смысл обеих концепций одинаков: религия должна освятить улучшение земной жизни людей. Но «синтез» Леру близок к сен-симонистской религии и другими чертами. Леру, как и сен-симонисты, яркими красками изображает «раздробленность» сознания и деятельности современного общества. В настоящее время и социальный порядок и религиозный порядок лежат в развалинах. Иначе и быть не может. Для нас нет больше старого неба и старой земли. Наследственное неравенство отвергнуто человеческой мыслью, расовые предрассудки рассеяны. Все люди равны — таков общий клич. Доктрина равенства оформилась в сознании всех людей. Однако равенство не осуществлено на земле, между правом и фактом — разрыв.

Род человеческий, говорит Леру, проходит через три фазы своего воспитания: чтобы прийти к фазе равенства, он должен пройти через три формы неравенства — режим каст семьи, режим каст родины и режим каст собственности. Человек последовательно является рабом семьи, нации, собственности, чтобы прийти, наконец, к пониманию единства индивида с человечеством, как бы к универсальной касте. Порядок будет восстановлен тогда, когда воцарится равенство. Небо средних веков исчезло, верования наших отцов, идеи первородного греха, искупления и рая погребены. Но вместе с этим небом, которое освящало общество, разрушилось и само общество. Земля по-прежнему полна слез, но у несчастных нет более утешения в представлении о небе. Мы сохранили в обществе палача, устранив духовника.

Области человеческого знания отделены одна от другой барьерами, разрушающими его естественное единство, его гармонию. Каждая из областей живет изолированной жизнью. В философии господствует сомнение, в политике — индивидуализм, искусство служит тщеславию, эрудиция — удовлетворению праздного любопытства. Все признают, что общество распылено. Самые смелые из якобинцев тщетно искали принцип, который мог бы возродить общество, копируя античные конституции, пригодные только для маленьких республик, где граждан содержали стада рабов. Это были смешные и лицемерные пародии. Затем Наполеон пытался взять за образец средние века и монархию Карла Великого. Потом реставрация старалась вернуть страну путем компромисса с идеями 1789 года к старым формам и монархии. Франция пережила, таким образом, ряд печальных экспериментов. Они были совершенно бесполезны, ибо в настоящее время общество переживает эпоху, когда после разрушения старого социального порядка должен установиться новый социальный порядок, основанный на новых отношениях людей к богу и друг к другу. Дело ретроградно безнадежно: если им и удастся удержать общество на некоторое время в неподвижности, им никогда не удастся обеспечить «порядок», — в недрах общества будет продолжаться смута, моральный, интеллектуальный и материальный беспорядок. Общество будет оставаться распыленным, люди разобщенными, пока «общая вера» не объединит их сердца. Общественный маразм не мог не вызвать потребности в новом синтезе. Поворот от анализа к синтезу знаменует приближение новой эпохи. В великие эпохи обновления, когда рушится один социальный порядок и рождается новый мир, кажется, что над землей царит дух зла. Элементы человеческой мысли, лишённые координации, хаотически борются между собой, пока новое слово, нетерпеливо ожидаемое всеми,

не повелит им гармонически сочетаться. Это распад, который предшествует новой жизни, агония и смерть и в то же время предвестие возрождения.

Когда люди начинают сомневаться в том, во что они верили, когда они разрушают то, что ранее воздвигли, это называется философией. Но когда они находят решение проблемы и объединяются в этом решении, тогда философия исчезает. Философы разрушают несовершенные религии, усвоенные человечеством, — и это важный труд, труд, подготовляющий новый синтез, труд, подготовляющий религию, которая должна сменить философию. Человечество ждет слов, возвевающих о новой жизни, призыва идти на поиски нового неба и новой земли.

Грядущая религия «Человечества» должна дать обществу необходимое единство. Она должна объединить разрозненные идеи — и в этом смысле о ней можно говорить как о новой энциклопедии. Она должна объединить вокруг доктрины прогресса мысль, чувство и практику. Она должна обеспечить полное единство, примирить власть и свободу, устранить противоречие между обществом и индивидом.

II

В современном обществе царит непрерывная борьба, постоянная война, подобие той борьбы, которая в животном мире происходит между видами. Но человечество жаждет покоя в этой жизни, которая не знает покоя, жаждет устойчивого благополучия в этой жизни, в которой с абсолютной необходимостью царят непрерывные перемены¹². Основной целью своих исследований Леру объявляет разрешение вопроса о том, может ли человечество быть более счастливым или, по крайней мере, менее несчастным, чем в современном обществе. Человечество, указывает Леру, живет в преддверии светлого будущего, но еще его не достигло. События, начавшиеся в 1789 году, правильно носят имя революции. Ничего подобного не было в нашей истории, все предшествовавшие кризисы не выходили за пределы социального и религиозного порядка средних веков. При всех прежних переменах мировоззрение средних веков оставалось в силе. О равенстве людей на земле даже не подозревали. Все верили в равенство перед богом и в церкви. Революция опрокинула это мировоззрение средних веков. Средневековая вера умерла. Однако Европа не освободилась от духа феодализма. Французская революция остановилась на полдороге. Действительно, в течение ряда лет в судьбах Франции наблюдались большие колебания, которые, однако, нашли свое завершение в утверждении принципа суверенитета. Этот принцип народного суверенитета — высшее выражение провозглашенного французской революцией лозунга свободы, равенства, братства.

По мнению Леру, Сен-Симон был не прав, когда утверждал, что феодальная эпоха заканчивалась и что 1789 год открыл новую эру. Ошибочно также утверждение Сен-Симона, будто «индустриаль» уничтожили тяготившее над ними рабство. Это верно, говорит Леру, лишь в том случае, если под индустриалами разуметь только командиров промышленной армии. Да, обладатели богатств освободились от рабства, для капиталистов настала новая эра. Но ошибка Сен-Симона состоит в том, что он приписал капиталистам за индустриалов¹³. Власть действительно перешла из рук военных в руки богатых. Феодализму действительно был нанесен удар отменой феодальных прав. Тем не менее феодализм еще жив. Старых сеньоров сменили новые, но им невыгодно признать это открыто перед лицом народа, с помощью которого они победили знать. В средние века господствовала аксиома «нет земли без сеньора». В настоящее время

¹² P. Leroux. De l'Humanité, p. 6, 15, 33, 35.

¹³ P. Leroux. Malthus et les économistes. Paris, 1848, p. 28, 33, 36 etc.

господствует аксиома «нет земли, то есть орудия труда, без собственника». Собственник орудий труда уступает их трудящемуся и получает за это доход, как получали его в свое время сеньоры.

Развивая свою концепцию о «новом феодализме», воцарившемся с начала XIX века, Леру обнаруживал такое же непонимание сущности капиталистического способа производства, как и другие утописты его времени. Крупный капиталист, по мнению Леру, во всем похож на феодального сеньора. Он повелевает людьми, которых называют пролетариями, которые заняли место рабов и сервов. При помощи заработной платы он набирает полки тружеников, как феодальный сеньор набирал отряды своих вассалов. Во время феодальных смут сеньоры вели друг с другом войну; также и новые сеньоры ведут между собою ожесточенную войну, которая носит название конкуренции, спекулируют на взаимном разорении. И побеждает в этой войне тот, у кого больший капитал, как прежде побеждал тот, у кого больший отряд. Форма изменилась, но дух остался тот же¹⁴.

Нет никаких сомнений в том, продолжает Леру, что современная собственность есть по существу собственность феодальная. И эта новая форма феодализма, как и форма старая, пользуется защитой христианской церкви, служители которой клянутся на Евангелии в своей преданности золотому тельцу, вокруг которого пляшет современное общество.

«Я стремлюсь показать,— говорит Леру,— откуда происходит это ужасающее зрелище части человеческого рода, распинаемой другой ее частью»¹⁵. Современная эпоха выше всего почитает индустрию. Кажется, будто Бастилия была взята только для того, чтобы громадное число людей могло продавать и потреблять коленкор. Капиталистическую индустрию, закономерность ее возникновения и исторические перспективы ее развития Леру представляет себе неясно: она производит на него впечатление чего-то сходного с галерами Бреста или Тулона, где закованные народы трудятся, подгоняемые хлыстом капитализма¹⁶.

Семья, отечество, собственность, говорит Леру,— это три способа общения человека с себе подобными и с природой¹⁷. Они являются формами, необходимо присущими человеческому обществу. Но, становясь между индивидом и человечеством, они порождают расчленяющие общество касты. В современном обществе эти великие устои разлагаются под давлением меркантилизма. Каждый стал абсолютным сувереном, и все действия общества сводятся к тому, чтобы каждый оставался хозяином клочка земли, который ему доставили наследование, труд, случай или преступление. Этот порядок привел к тому, что доля одних непрерывно увеличивалась, а доля других уменьшалась. Результат — позорное рабство 25 миллионов человек (Леру имеет в виду Францию).

В XVI веке, отмечает Леру, гражданские войны велись во имя бога, с крестом в руках. Теперь они ведутся не ради вечного спасения, а ради материальных интересов. В наши дни фанатизм порождается чувствами низшего порядка. Великие слова — порядок, справедливость — служат лишь прикрытием интересов лавочки. Рабочие Лиона поднимаются, чтобы защитить уровень заработной платы — значит смерть рабочим Лиона, которые угрожают интересам лавочников! У чудовищного эгоизма лавочников в отличие от прошлого вовсе нет бога.

Прежде лавочники не задавали тон, не были законодателями. В обществе существовало отрицательное отношение к наживе, над лавочниками были еще знать и духовенство. Сейчас лавочники играют первую роль.

¹⁴ P. L e r o u x. Le carrosse de M. Aguado. Paris, 1848, p. 40—41; i d e m. Malthus et les économistes, passim.

¹⁵ P. L e r o u x. De l'Egalité, p. X.

¹⁶ P. L e r o u x. Malthus et les économistes, p. 24—25, 28.

¹⁷ P. L e r o u x. De l'Humanité, p. 128, 129.

У общества нет иного закона, иного принципа, кроме содействия их сделкам. Можно думать, что человечество жило и страдало только для того, чтобы прийти к царству *prevôt des marchands*. Иисус изгнал некогда торговцев из храма, ныне нет иных храмов, кроме храмов торговли. Биржа заменила Notre Dame. Деньги все. Буржуа вытеснил дворянина и священника.

Однако Леру, осуждая характерную для «царства лавочников» погоню за наживой, отнюдь не отрицает исторического значения борьбы за условия материальной жизни. Материальные вопросы всегда встают, по его мнению, с особой яркостью в периоды обновления, являясь одним из выражений прогресса. Требование материальных благ есть следствие всего предшествовавшего прогресса человечества. «В настоящее время, — продолжает Леру, — борьба пролетариев против буржуазии есть борьба тех, кто не обладает орудиями труда, против тех, кто ими обладает»¹⁸.

Интерес к материальным вопросам, по мнению Леру, не был чужд и христианству. Христианство противопоставило индивидуализму и рабству античного мира общность. Тем самым оно привело к упразднению рабства. В Реформации тоже был материальный стимул: изъятие земли и орудий труда у религиозного общества. Внимание к материальным вещам само по себе не должно нас ни удивлять, ни приводить в отчаяние, замечает Леру. Неправильно утверждать, слепо следуя Христу, что царство божие не на земле. Мы должны преобразить землю так, чтобы на ней царила небесная справедливость, только таким путем можно найти обетованное нам небо.

Человек — разум, предназначенный жить в теле. Руководящая им сила действует опосредствованно, через тело. Ни одна из самых благородных наших способностей не может проявляться без использования материальных благ. Поэтому все должны — и это совершенно законно — стремиться к приобретению материальных благ. В борьбе между буржуазией и пролетариатом буржуазия *на первый взгляд* более, чем пролетариат, представляет индивидуальность и свободу. Богатые обладают свободой и ее защищают, тогда как пролетарии настолько ее лишены, что способны идти *некоторое время* за тираном, который пообещает их освободить.

В борьбе за материальные блага нет ничего аморального. Она есть следствие всего развития человечества. Общество не может быть основано на принципе жертвенности. Это был бы абсурд. Ее нет ни у буржуа, ни у пролетариев. Одни хотят сохранить, другие достичь. Теория, выводящая законы общества из жертвенности, — ложная и опасная теория. Общество должно служить удовлетворению всех индивидуальностей, обеспечивать свободу всех. Именно эта цель способна породить и жертвенность; жертвенность для жертвенности — такая же нелепость, как искусство для искусства. Под прекрасным именем жертвы скрывается принцип авторитета, как под прекрасным именем свободы принцип эгоизма.

Людям нужен мир, а везде царят войны и вражда; нужна социальная справедливость, а везде царит случайность; говорят о свободе, а везде царят деспотизм и эксплуатация. Равенство перед законом — химера, если миллионам приходится работать без устали, не имея времени для культурного развития. Природа определяет предназначение каждого: всем вместе двигаться к общей цели, помогая друг другу. Но люди уклоняются от пути, данного природой, борются друг с другом — и наиболее счастливые достигают своей цели, шагая по телам своих братьев. Философы неспособны ориентироваться в лабиринте общественных отношений. Они говорят: миром правит случай, мотив человеческого действия —

¹⁸ «La Revue Encyclopédique», 1833, X—XII, p. 98, 102.

эгоизм, мы не знаем, откуда и куда идет человечество, но все эти рассуждения — свидетельство бессилия человеческой мысли.

Более детальную характеристику современных общественных отношений Леру дает на примере Франции. Эта характеристика не лишена в ряде случаев остроты и меткости. Содержащиеся в ней критические элементы служили ценным материалом для просвещения рабочих и бедноты, вопреки реакционным, утопическим идеям самого Леру. Правительство Франции, утверждал Леру, — подлинная плутократия. Франция представляет собой как бы громадную мастерскую, в которой занято 30 млн. человек, получающих заработную плату, 4 млн. мелких собственников, доходы которых едва покрывают самые необходимые расходы, и 1 млн. средних и крупных собственников (вместе с семьями). 196 тыс. отцов семейств, входящих в этот миллион крупных и средних собственников, образуют торговый дом, носящий имя Франции. Он приводит в движение 34 млн. рабочих и служащих. Эту подавляющую часть нации, говорит Леру, скрывающуюся за третьим сословием, называют пролетариями¹⁹. Выплачивая им около 5 млрд. в качестве заработной платы, фирма получает в свои руки чистый доход в 3800 млн. Во Франции нет как будто знати, нет феодализма. Есть одна лишь буржуазия. Чтобы быть последовательным, говорит Леру, нужно объявить буржуазию знатью и создать, таким образом, верхнюю палату, а из представительства пролетариата создать нижнюю палату. Ведь на самом деле буржуазия, завоевав себе богатство на поприще торговли и промышленности, сама превратилась в знать для своих промышленных рабов. Все представлены в палатах, кроме рабочих.

Явно преувеличенное число пролетариев в статистике Леру объясняется тем, что в основу классового деления общества он кладет то производственный признак — отношение к средствам производства, то признак потребительский. К пролетариям он причисляет в первую очередь трудящихся, не имеющих никакой собственности, но также и тех, которые не имеют собственности, *необходимой для обеспечения их существования*. Второй критерий позволяет ему включить в число пролетариев весьма значительную часть мелких собственников. Леру высмеивает утверждение буржуазных экономистов, будто во Франции непрерывно растет число земельных собственников. Действительно, говорит он, революция бросила труженикам в виде приманки идею земельной собственности как единственного средства их освобождения. Они стремятся к собственности, но почти никогда ее не достигают. Между трудящимися и землей стала банда спекулянтов. Когда сельскому пролетарию достается ничтожный клочок земли, его стоимость поглощает все сбережения покупателя, и он вынужден входить в долги. Этого обремененного долгами труженика вносят в списки плательщиков поземельного налога, и статистика приходит затем в восторг по поводу роста числа собственников. Между тем эти люди живут в тяжелом повседневном труде, живут на заработную плату, у них нет доходов, они — настоящие пролетарии.

Как бы суммируя все высказанные им соображения, Леру приходит к такому определению существующих в обществе классов: мы называем пролетариями, говорит он, граждан, доходы которых не покрывают общей суммы их потребностей; мы называем собственниками граждан, доходы которых покрывают сумму их потребностей; мы называем капиталистами граждан, доходы которых превышают сумму расходов на существование. Следует, однако, отметить, что мы встречаем иногда у Леру и иные определения пролетариата. Есть среди них и определения, опирающиеся также на значение пролетариата в производстве. Пролетарии — люди, которые производят все богатства наций, обладают только подневной платой за свой

¹⁹ P. L e r o u x. De la Ploutocratie. Paris, 1848, p. 12, 27—36, 53—54, 224 et suiv.

труд и труд которых зависит от причин, находящихся вне их. Пролетарием, говорит он, следует считать всякого, кто вследствие отсутствия дохода вынужден зарабатывать каждый день на хлеб. С этой точки зрения и крестьянин — пролетарий, так как принадлежащий ему гектар земли обеспечивает ему существование только в результате тягостного повседневного труда. Франция, в которой живет 34, 5 млн. человек, насчитывает, таким образом, 30 млн. пролетариев. Как известно, говорит Леру, земля дает доход лишь в меру того аванса, который можно вложить в ее обработку. В распоряжении сельского труженика, который неблагоразумно становится собственником, не имеется такого аванса. Но приходит неожиданное несчастье: болезнь, неурожай, и наш несчастный собственник, не будучи в состоянии оплатить свой долг, попадает в лапы более состоятельного соседа, который, конечно, воспользуется случаем, дающим ему возможность отобрать у бедняка его собственность.

Нет никакого сомнения, что французский народ — прекрасный народ, но богатым народом, счастливым народом его не назовешь. Около 20 тыс. собственников обладают, как мы говорили, всем французским капиталом. Во Франции на 34,5 млн. человек 4 млн. мужчин и женщин, занятых в мануфактуре, торговле и сельском хозяйстве, которые могут существовать только на заработную плату, рискуя в противном случае впасть в полную нищету. Необходимо отметить, что Леру поистине одержим страстью к разнообразным статистическим исчислениям, характеризующим состав французского населения с различных точек зрения, не всегда друг с другом согласующихся.

Мануфактурное население Франции почти равно таковому в Англии. Но английская промышленность имеет несравненно более обширные рынки. Французская внешняя торговля не составляет и половины английской внешней торговли. Англия, которая с тем же рабочим населением производит больше, имеет меньше настоящих бедняков, так как там больше занятых рабочих²⁰. Леру не видит, однако, значительной разницы между экономическим порядком современной ему Франции и зачастую противопоставляемыми ему английскими порядками. Английская конституция, говорит он, — результат феодализма и является не чем иным, как продолжением этого феодализма под парламентарной формой. Это своеобразный вид правительства, основанного, как и французское, на неравенстве.

Леру констатирует, что число пролетариев со времени революции значительно возросло, а их положение ухудшилось. Отмена цеховой системы и промышленной регламентации вызвала увеличение числа рабочих во всех профессиях. Введение машин, позволивших привлечь к производству женщин и детей, послужило толчком к дальнейшему ускорению этого процесса. Ожесточенная конкуренция между рабочими, конкуренция машины с рабочими неизбежно должны были привести к снижению заработной платы. По вычислениям Леру, рабочий в 40-х годах XIX века получал за семь дней столько, сколько рабочих до революции за шесть. «Все богатства, все товары мира представляют собой в основе своей человеческий труд, более или менее конденсированный человеческий пот»²¹.

Если большая часть народа, производящего все богатства, живет в крайней бедности, то, очевидно, его обкрадывают. Да, заявляет Леру, нас, тружеников, рабочих, пролетариев, несомненно, обкрадывают капиталисты, те, в чьих руках находятся орудия труда. Так как ничто не может быть произведено без орудий труда, то их владелец заставляет своих братьев платить ему налог за пользование ими. Собственники орудий производства присваивают себе весь продукт труда пролетария,

²⁰ P. L e r o u x. De la Ploutocratie, p. 7—15, 18, 25—28, 37, 42, 72—75, 92.

²¹ P. L e r o u x. Malthus et les économistes, p. 47.

выплачивая ему лишь заработную плату, уровень которой определяется тем, что необходимо рабочему, чтобы не умереть в процессе труда.

Через несколько поколений, говорит Леру, люди будут смотреть с сожалением на Францию XIX века, которую иногда изображают как высший предел цивилизации. Они будут думать о ней с той же печалью и с тем же отвращением, с каким мы думаем о средних веках или о времени разложения Римской империи. Видя массы пролетариев, лишенных всего, в стране, которая 5—10 лет тому назад написала на своем знамени священное слово *равенство*, они не поймут этого противоречия, как мы не понимаем античного рабства.

Центральной проблемой современности Леру считает проблему капитала, закону которого подчинено все производство. Научное определение капитала у Леру, разумеется, отсутствует. Чаще всего он называется капиталом орудия производства. Но надо отметить, что иногда он приближается к пониманию капитала как общественных отношений: «Капитал есть право извлекать доход... из накопленного богатства без участия в его применении». Его завещает нам прошлое, развитие науки, последовательные изобретения человеческой мысли. Он произведен предшествующей работой для целей производства. Название «капитал» (от *caput* — голова) мало подходит для наименования этого выражения колоссальной социальной мощи, проявляемой универсальной ассоциацией человеческих усилий во времени и в пространстве.

Леру понимал, что неизбежным следствием господства капитала является классовая борьба — борьба пролетариев против буржуазии, тех, кто не владеет орудиями труда, против тех, кто ими владеет. Он возмущался теми, кто считает владычество капитала самым мирным режимом. Эти люди видят мир там, где идет жестокая война, они не видят той битвы, которая происходит на всей поверхности земного шара и в которой капитал всегда побеждает. Социальный вопрос касается всех классов; но с точки зрения политической это прежде всего вопрос пролетариата. Общество резко делится на третье сословие и на пролетариат. И этому делению соответствуют две доктрины: с одной стороны, индивидуализм, а с другой — доктрина ассоциации, организованного равенства, доктрина французской революции²². В этой борьбе двух классов и двух доктрин Леру занимает совершенно определенную позицию. «Я — за рабов против господ, — заявляет он, — за слабых против сильных, за бедных против богатых»²³. Анализ истории и недавнего прошлого показывает, по мнению Леру, что уничтожение привилегий знати есть предвестие уничтожения привилегий буржуазии, шаг к возвышению пролетариата. Логика событий требует возврата к революционной традиции, которая, утверждает Леру, несет в себе не только идеи XVIII века, но также христианства и предшествовавших ему религий.

В качестве своих противников, утверждает Леру, борцы за равенство имеют перед собой не старый режим, не разложившуюся знать, а буржуазный класс, составляющий значительную часть нации, держащий в своих руках и землю и индустрию. Это то самое третье сословие, которое создало Реформацию, затем философию, затем революцию²⁴. Этот класс держится за систему индивидуализма и в силу своих интересов, и в силу своих настроений. Государство — только жандарм, охраняющий его ренту и его привилегии. Революция, направленная против такого класса, была бы настоящей гражданской войной. Чтобы действительно победить такой класс, надо морально преобразовать и его, и пролетариев — народ, кото-

²² «La Revue Encyclopédique», 1832, p. 5.

²³ P. L e r o u x. De l'Egalité, p. X.

²⁴ P. L e r o u x. Discours sur la situation politique de la société. 2-me discours «Aux politiques».

рый живет идеями, созданными высшими классами. Это моральное преобразование неизбежно, заявляет Леру, оно уже происходит. Равенство уже провозглашено и в сфере разума, и в сфере чувств, и в сфере деятельности. Современное общество не имеет иной догмы, кроме догмы равенства²⁵. Пусть этот принцип пока еще не осуществлен, пусть пока еще царит неравенство, лишь прикрываемое словами о равенстве. Конечная победа признанного теоретически принципа неминуема. Как бы медленно ни происходило движение к будущему, во всяком случае общество вступает в новую эру; законы, основной тенденцией которых был индивидуализм, отныне будут иметь своей руководящей идеей ассоциацию как форму осуществления принципа равенства.

Леру понимает историческое значение революций, их неизбежность при известных условиях, их плодотворность. Спасение неоднократно приходило к человечеству в результате революций. Кризисы и революции предшествовали установлению христианства. Конечно, оговаривается Леру, спасительны не самые революции. Но революции приводят к пониманию основного принципа жизни общества, как лихорадка — к выздоровлению организма²⁶. Казалось бы, что, исходя из этих рассуждений, Леру должен был в конце концов прийти к идее революции как средства осуществления проповедуемого им строя «организованного равенства». Но этого шага он не делает. Существует, заявляет он, два пути к равенству: путь взаимного согласия и гармонии и путь раздоров и анархии, путь распада общества. Из этих двух путей Леру, как истый эпигон сен-симонизма, предпочитает первый. Великие социальные синтезы, утверждает он, создаются всеми, а не несколькими, путем непрерывного прогресса, а не путем катаклизмов.

Буржуазия во время господства знати представляла прогресс, а ныне ее правление воплощает застой. Мы можем утверждать, что интересы двух классов народа, пролетариата и буржуазии, разделились. Раскол между ними существовал уже во время Реставрации; сейчас он достиг полной зрелости. Но это вовсе не означает, что их интересы полностью антагонистичны, что прогресс, необходимый для сохранения общества, не может быть куплен иной ценой, кроме гражданской войны. Надо предоставить обеим борющимся силам возможность мирно соревноваться из-за власти на легальных основаниях и устанавливать законы по взаимному согласию.

III

Книга Леру «De la Ploutocratie» («О плутократии») посвящена в основном анализу и критике современных ему экономических отношений. В заключительной части книги Леру пытается уяснить закономерность возникновения этих отношений. Мальтус, говорит он, утверждает, что они основаны на законе природы, согласно которому человек, появляющийся на свет, когда все места в нем уже заняты и когда его семья лишена средств, чтобы его содержать, а богатые не нуждаются в его работе, не имеет права на какую-либо долю питания; он действительно лишний в этом мире. Леру вместе с Годвином решительно отвергает эту теорию природного происхождения социального неравенства. Оно возникло не в силу закона природы, а в силу искусственного социального закона, передавшего все богатства земли людям чистого дохода. Некогда господствовали духовенство и воинство. Затем появились богачи, достигавшие власти путем торговли, ростовщичества и иных источников наживы. Еще ниже были бедняки, рабы, несчастные. С тех пор мир значительно изменился. Нет более правителей-воинов; я вижу только богатых, говорит Леру. Я не вижу

²⁵ P. L e r o u x. De l'Egalité, p. V.

²⁶ P. L e r o u x. La grève de Samarez, t. I. Paris, 1863, p. 219—220.

дворян, я вижу богатых. Я не вижу духовенства, монастырских орденов, церкви, я вижу богатых. Кто некогда управлял государством? Благородные и жрецы. Кто им управляет теперь? Богатые. Мы живем при плутократии. Нужно путем самой политики изменить этот экономический закон, вырвать руководство политикой из рук обладателей чистого дохода. Если существующий порядок вещей должен сохраняться, то я предлагаю, заявляя Леру, заменить культ пролетария Иисуса культом бога Плутоса²⁷.

Полемика с мальтузианством составляет также значительную часть следующего произведений Леру, носящего название «*Malthus et les économistes*» («Мальтус и экономисты»).

Мальтузианство представляется, по-видимому, Леру наиболее ярким за последние десятилетия выражением экономической теории, служащей задачам реабилитации буржуазного порядка. Менее 50 лет, говорит Леру, прошло между подвигами наших отцов, деятелей Конвента, между выступлениями Сен-Жюста, который перед всем миром разоблачил современный Карфаген, и нашей эпохой, когда сама Франция карфагенизировалась, когда неогциантизм проник во французскую экономику и овладел французским правительством.

Внешне и в экономической и в политической жизни произошли громадные изменения. Оружие феодальных сеньоров заменили деньги. Деньги стали орудием завоевания. Банкир заменил феодала, золото заменило железо и пушки. Но по существу все осталось по-прежнему. Нажива всегда есть война, и банкир, который завладел тем, что должно было принадлежать рабочему, делает лишь в другой форме то же самое, что делал феодальный сеньор, который с высоты своей башни принуждал людей труда стать его данниками. Зло осталось тем же злом, изменилось только его название. Говоря словами Гоббса, человек человеку волк. Нажива, доход, барыш — это такое же воровство, как завоевания и грабежи, которые оно допускает.

Со времен падения Римской империи, с установления феодализма мы видим в обществе развитие каст собственности, лишь теперь завершающееся. Совершенно ясно, что собственность, установленная ныне, есть продолжение феодализма и в некотором отношении — пародия на завоевания средних веков, что не мешает всему миру твердить, что революция 1789 года отменила полностью и радикально феодальные права²⁸.

Третье сословие, победившее в революции с помощью всей нации, отнюдь не считало своей задачей продолжать дело варварского завоевания и быть завершающим звеном феодализма; но оно хвасталось, заявляя, что победило феодализм, тогда как на деле победило лишь самую древнюю форму феодализма. В этой связи представляет известный интерес полемическое выступление Леру против раннего сен-симонизма. Сен-Симон, пишет Леру, пока его не просветил свет истины и пока он не встал на путь «нового христианства», был проникнут ошибочной верой в индустрию. Он полагал, что власть жрецов и знати свергнута и что настала эра власти капитала. Богатство завоевало мир. Но это вовсе не было победой индустрии.

Подлинные представители эры индустрии — это те, кто прилагает свою моральную, интеллектуальную и физическую силу к природе, источнику всего производства, используя для этого те орудия труда, которые человек сумел вырвать у природы, чтобы принудить ее повиноваться человеку. Нельзя считать индустриалами тех, кто имеет лишь некоторое отношение к производству предметов индустрии и к их обращению. Сен-Симон бесспорно ошибся, приняв их за истинных производителей.

²⁷ P. L e r o u x De la Ploutocratie, p 241—242, 256

²⁸ P L e r o u x Malthus et les économistes. Boussac, 1849, p 3, 7, 8, 11, 22—23, 25—27.

По существу представление об индустриалах у Леру ближе к понятию пролетариата, чем у Сен-Симона. Современный пролетариат, заявляет Леру, — это трансформация античного рабства и средневекового серважа. Историческая задача индустриалов состоит в том, чтобы уничтожить рабство, которое над ними тяготеет. Но принцип индустриализма не так враждебен принципу феодализма, как обычно полагают. Англия феодальна, насквозь феодальна, но в то же время она индустриальна, индустриализм там царствует. В Англии можно видеть антагонизм между двумя видами собственников: обладателями капитала-земли и обладателями капитала-товара. Они жили в течение веков в полном согласии и руководствовались в сущности одним и тем же принципом, вплоть до времени двух революций, после которых им не удалось создать правительство, которое на равных началах обеспечило бы их интересы.

В средние века существовало два принципа, вызывавших осуждение со стороны христианства, — принцип завоевания и принцип наживы. В сущности, как уже было сказано, эти два принципа весьма близки один другому; это две соперничающие формы одного и того же зла, две формы человеческого эгоизма, одна из которых уничтожила другую. Захват богатств теми, кто обладает чистым продуктом или капиталом, обеспечивающим им монополию на производство, эквивалентен войне, есть война²⁹.

Мальтус утверждает, будто бы сама природа осудила людей, оказывающихся лишними для жизни. Это неверно. Их осуждает капиталистическая индустрия. Природа сама по себе не является ни благодетельной, ни вредной; она хранит в себе неизмеримые сокровища — и только. Задача человека состоит в том, чтобы извлечь их и использовать для своих нужд. Именно для этой цели и организовалось человеческое общество, ибо победить природу отдельный человек не в состоянии; ее может победить лишь ассоциация.

Суммируя все, что говорит Леру о кастах собственности и о феодализме, можно прийти к тому выводу, что для него феодализм есть как бы первая ступень каст собственности и что современную фазу, как фазу капитала, отделяет от фазы завоевания французская революция 1789 года.

Капитал в различных его формах существовал и в средние века. Единственное значительное хозяйственное преобразование за это время состояло в том, что капиталисты-индустриалы, третья из каст средних веков, сделали деньги господствующей силой. Так, в конце концов торжествовал дух эгоизма, который христианство всегда именовало царством антихриста. Третья каста из каст собственности, каста капиталистов, заняла место знати и жрецов.

Единственная истинная экономическая наука дана в Евангелии. Та наука, которую именуют ныне политической экономией, — ложная наука. Ничего не может быть, утверждает Леру, столь противоречащего Евангелию, как собственность, которую проповедует экономическая наука. Эту ложную собственность христианство всегда проклиняло под именем капитала и ростовщичества наравне с идолопоклонством и преступлением. Основное положение экономистов, сформулированное, как мы уже говорили, Мальтусом, гласит: при существующем плодородии земли недалек тот день, когда люди будут вынуждены поедать друг друга в случае, если какое-либо препятствие не задержит роста народонаселения. Основное повеление христианства — творить добро, а существующая политическая экономия отправляется от эгоизма и восхваляет его. При этом она забывает сказать, что именно эгоизм препятствует росту средств существования и обрекает на смерть детей бедняков. В противоположность христианству политическая экономия осуждает милосердие. Ничто, как бы говорят

²⁹ P. L e r o u x. Malthus et les économistes, p. 28, 29, 31—32, 38—42.

экономисты, не спасет того, кто родился без заявки богатых на его рождение. Ничто не поможет тому, кто, появившись на свет, окажется без работы. Христианское милосердие, утверждают мальтузианцы, вредно для богатых, возлагая на них бремя благотворительности. С ростом милосердия растет число пользующихся им бедных и не увеличивается число богатых. Следовательно, не растет число людей, ибо кто не богат — не человек.

Христианство, продолжает Леру, опирается на веру в спасение человечества. Политическая экономия отрицает возможность его спасения. Согласно политической экономии, человечество навсегда приговорено ко злу. Политическая экономия не признает вечного чуда, которое признает Евангелие, — чуда роста средств существования в условиях сообщества, ассоциации, возврата человечества к единству. Капитал создает неодолимую преграду между естественной потребностью человечества в развитии и возможностью для человечества это развитие осуществить. Капитал монополизует в своих руках средства производства, он препятствует росту производства пропорционально росту потребностей.

Человечество ныне доведено до совершенно безнадежного положения, и тех, кто довел человечество до этого, следует считать подлинными преступниками. Существующие правительства совершенно об этом не заботятся. Они видят свою задачу исключительно в том, чтобы задерживать прогресс человечества, придавая человеческой смерти, вернее тому, что спартанцы называли охотой за илотами, более пристойный научный вид³⁰.

Собственность, которую провозглашают экономисты, — это капитал, ложная собственность, злоупотребление собственностью. С исторической точки зрения капитал — то же ростовщичество. Как злоупотребление собственностью, он преступен. По существу между именем капитала и именем ростовщичества нет никакой разницы.

По мнению экономистов, говорит Леру, в мире всегда существует излишек населения. Убыль населения они считают явлением нормальным и необходимым. Это натуральное приспособление населения к спросу на него со стороны богатых. В действительности же неподвижность населения и в еще большей степени его уменьшение есть убедительное свидетельство того, что данный народ несчастен. Рост человеческого рода есть, наоборот, признак его процветания. Позиция, которую занимают в этом вопросе экономисты, — совершенно естественная позиция собственников капитала. Но это нападение экономической науки на величайший закон религии нечестиво. Проповедуемые ими прогрессии вовсе не являются истинными законами природы. Истинная собственность, по мнению Леру, резко отличается от капитала, она необходима и справедлива; капитал же всегда несправедлив и губителен. Экономисты боятся при этом высказывать одно положение, которое, однако, вполне очевидно. Если может происходить некое накопление средств существования, то это накопление поглощается целиком капиталом, то есть отнимается у человечества в целом, превращаясь в то, что называется аккумулярованным богатством, приносящим доход своему собственнику. Для всего прочего населения этот прирост не дает ровню ничему. В конце концов экономисты утверждают, что не может быть иной организации общества, кроме той, которая основывается на господстве капитала, сосредоточенного в частных руках, что производство не может быть лучше организовано.

В переживаемое нами время, пишет Леру, все дворы и все правительства преклоняются перед капиталом, ставшим земным божеством. Судьбы

³⁰ P. L e r o u x. Malthus et les économistes, p. 60, 62—65, 69, 73, 80, 137—139, 149, 152—159, 163—165.

нации попали в руки ростовщиков, именуемых капиталистами. Присвоенное владельцем собственности без какой-либо затраты труда право нарастания дополнительного имущества на имущество существующее есть не что иное, как право сеньора ³¹.

Рост влияния Евангелия среди всех классов и во всех странах вполне естественен, ибо в зерне евангельской проповеди лежит святая философия. Христианство, говорит Леру, всегда проповедовало гармонию между богатым и бедным. Цель христианства, как и всякой религии, — установление равенства и братства. Страсти людей сами по себе могут обращаться как к добру, так и ко злу. Истинное несчастье наше — в нашем невежестве. С точки зрения одного из основных положений христианской доктрины, проповедь Иисуса приводит к освобождению человечества от тяготеющего над ним первородного греха. Но почему же в таком случае первородный грех все еще продолжает тяготеть над человечеством, столь тяжело отражаясь на его судьбах? Ясно, что первородный грех будет существовать до тех пор, пока в мире будут существовать богатые и бедные. Разве не правда, что, по мнению христиан, Христос пришел на землю свята пятно греха? Если он его смыл, то его больше не существует. А если вы говорите, что при действии закона благодати последствия вашего греха вечны, то тем самым вы отрицаете вашу доктрину искупления рода человеческого. Первородный грех — это разделение людей. Искупление этого греха есть их единение в сообществе.

Касты порождают страдания человечества. Спасение от этих страданий — в единстве. Так философия открывает светом разума, откуда протекает зло на земле и каковы средства его уничтожения. То зло, которое относится к ощущению, имеет своим основным источником собственность. То зло, которое относится к чувству, имеет своей главной причиной семью. То зло, которое имеет отношение к знанию, происходит от несовершенства общества или города.

Государство (*cité*) есть проявление важной части нашей природы, но все же оно является причиной зла. Бесконечные несправедливости и жестокость — зло, вызываемое государством ³².

Историю цивилизации, говорит Леру, тклет кровожадный паук — деспотизм. Этот паук питается кровью человечества. Внутри рода человеческого, разделенного на нации, возникает борьба. Установление на этой основе каст родины, происходит в средние века. Рост каст родины повел к ослаблению каст семьи — каст восточных. Человеческое единство проявило себя у людей, хотя и не полностью, в Греции и в Риме под именами родины и республики. Вот почему эта фаза бросила такой яркий свет на последующий период. Но это единство, например Римской империи, было установлено ценой двойственности между варварами и римлянами, победителями и побежденными, господами и рабами.

Существование Греции и Рима оправдывалось тем, что они составляли шаг вперед в дальнейшем развитии человечества к высшей цели, к единству, к сообществу. Таким же движением к общности было и завоевание Римом варварских земель, хотя для самих римлян это было простым захватом. Рим кончил преследованием того слова, которое хотело открыть ему истину, жестоким преследованием христиан. Рим был осужден, и варвары отомстили ему за поражение рабов.

Миру еще не раз придется выступать против каст, возникающих на основе государства (*cité caste*). Но может быть, необъятность зол, поражающих человеческое существование, происходит от недостатков человеческой природы? Нет, и это доказывается сокрушением каст семьи,

³¹ Ibid., p. 170—175, 181—194, 201—206, 211—218, 222.

³² Ibid., p. 235—236, 249, 253—254, 268—274, 289.

в человеческом духе, восприятием человечеством лозунгов прав человека — свободы, равенства, братства. Вслед за католицизмом, вслед за философией и Французской революцией, вслед за Империей, которая повсюду разнесла принципы Франции, образовалось единство, которое не обрело еще материальной организации, но которое ее некогда получит. Это будет *Европейский союз*, всеобщий дух Европы, который создаст для нас родину повсюду, где человек сражается за справедливость, за истину, за свободу, за братство, за равенство. Мы вступаем в эру, когда от одного конца Европы до другого, как в одном отечестве, справедливость будет сражаться против неравенства, истина — против заблуждения, свобода — против деспотизма ³³.

В конце своей книги Леру вновь возвращается к вопросу о собственности, о моральной оценке различных ее видов. Можно представить себе собственность как некое единство, как нечто, составляющее общественное достояние. В таком случае собственность каждого представит собой общественную функцию. Этот порядок следует назвать благом. В подлинном смысле слова собственностью называется обыкновенно собственность в разобщении, в зле, точно так же семья, взятая в своей общности и единстве, представляет собой благо; семья же в разобщении, в разъединении, называется кастой или знатью. Государство в своей общности является богом, человечеством в зародыше, и называется *сité* или отечеством. Государство в разъединении, в зле называется империей, династией и т. п. Человечество находится на последней стадии прогресса в отношении этих форм нашей природы (семья, собственность, государство), которые вначале проявляются во зле, но затем прогрессируют к добру. Семья произвела первую эпоху человечества — эпоху каст семьи, или примитивную античность. Государство произвело вторую эпоху — эпоху каст родины или среднюю античность. Собственность произвела средние века, или феодализм, который проявляется еще и сейчас и является эпохой каст собственности. Сначала раб семьи, затем раб государства, человек **ныне** раб собственности. Человечество, или, вернее, находящееся в нем божественное слово, стремится избавиться от этого рабства, чтобы выйти на свободу. Мы находимся ныне между двумя мирами: между миром проявления нашей природы в зле и миром проявления ее в добре. Все несчастья, от которых стонет ныне Европа, проистекают главным образом от каст собственности, от дурной организации одной из законных сторон нашей природы. Человек, как правильно сказал Руссо, вышел из рук природы хорошим. Зло не есть сущность творения. Человек, эманация божества, должен проявиться сначала в зле, чтобы затем совершенствоваться, приближаясь к богу. Мы все заключаемся в одном и один — во всех. Мы живем общей жизнью; общность — в основе нашей природы. Наш закон повелевает нам любить друг друга. То, что религия называет искуплением, с точки зрения философии является способностью к совершенствованию.

Наши потребности и способности проявляются в трех формах — семья, отечество, собственность. Эти формы способны к совершенствованию: вначале они проявлялись в несовершенстве и зле, вне солидарности и вне общности. Но мы находимся уже в конце феодальной эпохи. Что же мы должны делать? Следовать Евангелию и совершенствоваться в нас дух общности, символом которого является общность христианства ³⁴.

Деятельность, направленная на удовлетворение человеческих потребностей, является работой и создает соответствующие ей отношения, которые не должны нарушаться. Центральным понятием Леру в его анализе производственных отношений является уже упоминавшийся принцип ассо-

³³ P. L e r o u x. Malthus et les économistes, p. 298—308.

³⁴ Ibid., p. 308—338.

циации. Именно человеческая ассоциация в процессе работы извлекает пользу для себя из бесконечного плодородия природы и от работы, выполненной всем человечеством с первых лет его существования вплоть до настоящего времени. Ассоциация дает каждому индивиду через его участие в общем наследии и через работу средства обеспечить себе жилище, пищу и одежду. Каждый и все имеют право и обязанность выполнять в обществе одну из функций. Каждый и все имеют право на собственность. Собственность есть естественное право каждого пользоваться какой-либо определенной вещью в соответствии с законом, регламентирующим собственность.

Общество, коллективная среда есть поле деятельности каждого человека. Это тот центр, из которого человек заимствует знание, которое он применяет, инструменты, которые он использует, предмет, который он трансформирует,— словом, все условия своего производства. Социальная среда вмешивается во всякий процесс производства в качестве владельца рабочих инструментов и сырья, в качестве вдохновителя и распределителя. Работа содержит и питает общество материально, морально и духовно. В процессе работы крепнет ассоциация. Совместное участие в работе укрепляет узы ассоциации между рабочими, артистами, учеными.

Первое условие работы представляет собой прошлое; в нем сосредоточена наука, последовательные изобретения человеческой мысли, традиция. Это предмет, видоизмененный предшествующей работой в целях изготовления новых предметов. Это условие является выражением огромного социального могущества, так как оно обнаруживает универсальную ассоциацию людей во времени и в пространстве. Это условие неправильно называлось капиталом (*capital*). Социальная сила, которой оно обладает, ныне в результате завоевания и феодальной системы предоставлена в руки нескольких частных лиц. Это можно объяснить только тем, что у нас не существует права, основанного на равенстве, братстве и свободе. Точно так же частным лицам предоставлен у нас важный вид администратии, известный под названием кредита и торговли. Распределение товаров и рабочих инструментов должно принадлежать особой административной власти. Производство должно удовлетворять настоящие потребности и учитывать грядущие. Оно должно поддерживаться на одном уровне с потреблением. Формула вознаграждения за труд в нормальном обществе тройственная и единая: каждому по его способностям, каждому по его труду, каждому по его потребностям. Способности определяют характер работы, законченная работа определяет досуг, потребности определяют получаемые продукты.

IV

В 1848 году Леру издал небольшую книжку, излагающую в популярной форме ряд основных положений его социального учения³⁵. Некоторые уже известные нам положения он здесь, естественно, повторяет, некоторые излагает более доступно. Во всяком случае рассматриваемое произведение Леру представляет особый интерес даже для тех, кто изучал другие его произведения.

Подлинный творец всего национального богатства, пишет здесь Леру, — народ. Мы, то есть народ, производим все вещи. Только мы вознаграждаем деятельных и кормим праздных. Правители, богатые, не осуществляют даже контроля над трудом. Они, конечно, берут нечто из национального дохода, но то, что они берут, — это доля, изъятая из общего труда нации. Народ — источник всех богатств, и если он тем не менее беден, то это означает лишь то, что он ограблен. Мы, трудящиеся, по существу ограблены.

³⁵ P L e r o u x Le carrosse de M Aguadé

В результате человеческого невежества немногие сумели овладеть науками, искусствами, всем, что изобрел человек. Когда нетрудящиеся соглашаются дать трудящимся орудия труда, они это делают только в целях собственной прибыли. В этом смысле они нам действительно платят, но платят они нам злом, а кто дал им право платить нам таким образом? Эти люди, которые посредством своего капитала распоряжаются производством, по существу только чиновники государства, но они отличаются от прочих чиновников тем, что государство предоставляет им право самим устанавливать свое вознаграждение. А мы оказались, подобно солдатам, отданными на их произвол.

Как это могло получиться? Надо, чтобы богатым кто-то платил за их заботы. Государство им не платит, значит им платим мы. Но мы можем платить им лишь своей работой; следовательно, мы работаем, а они пожинают плоды нашей работы. Вот и вся тайна современного общества. Для нас плоды нашего производства оказались заработной платой.

Исследуя в указанной книге собственность, Леру различает в ней два вида: собственность как право на продукт собственного труда и собственность как право на продукт чужого труда — ложная собственность. Собственностью считалось некогда право хозяина на своего раба, право феодала на своего вассала. Наконец, теперь существует подлинная собственность — собственность раба на свою личность, собственность вассала и серва на свою свободу, собственность трудящегося на свой труд.

Все произведенное неделимо до тех пор, пока его не разделит на части справедливость. Сколь безрассудны те, кто, внося в работу только часть, которая не только им принадлежит, но исходит от бога и от человечества, объявляют своими не только орудия, которыми нечто произведено, но и то, что произведено этими орудиями. Как если бы это орудие, которое имеет коллективное происхождение, не было для них общим; как если бы закон, орган всеобщей ассоциации, не был необходимым, чтобы гарантировать использование этого орудия; как если бы, кроме того, работа их братьев — пролетариев, а затем их собственная не вступила в процесс производства и не сделала его *неделимым* до того момента, пока его не разделит равенство.

Человек имеет потребность в собственности; человек имеет право на собственность. Собственность — это право каждого человека пользоваться и располагать частью благ, которую ему гарантировал закон. Следовательно, право на собственность существует лишь постольку, поскольку оно существует для всех. Оно существует только через общество. Собственность отнюдь не основана на праве первого захватчика, то есть на силе и случае. Она — законное действие нашей личности, нашей свободы. Она является как естественной, так и необходимой для человека. Но необходимо лишь *право* собственности в абсолютном смысле. Что же касается применения этого права, то оно зависит от человеческой ассоциации. Из этого следует, что собственность в наше время должна уже принять иную форму.

Современные формы собственности — результат варварского завоевания. Люди разрушили конкретные феодальные права, но феодализм остался. Триста лет, обращаясь Леру к труженику, ты был сервом, рабом человека в доспехах; сейчас этот человек, капиталист, не в силах носить железные доспехи, но ты остаешься рабом в не меньшей степени. Не существует более воздвигнутой на горе крепости, которая господствовала над тобой; господствующий над тобой буржуа сделал своей крепостью несгораемый шкаф. Общество представлено двумя типами — богатым и бедным. Первый имеет в своей власти накопленное богатство, орудия и аванс. Его сосед имеет свой разум и свою силу. Когда первый испытывает какую-либо потребность, сосед предлагает ему свои услуги для удовлетворения этой потребности. Дайте мне займы ваши орудия, говорит он

праздному, я произведу нечто, чтобы удовлетворить ваши потребности и кое-что сделать для себя. Именно то, что один из них дает, а другой — берет, носит теперь название собственности, или капитала. Собственники в действительности спекулируют своими богатствами: авансами, рабочими орудиями. Пролетарии имеют только зарплату, и эта зарплата всегда сводится к такому минимуму, чтобы не дать пролетарию умереть с голода и заставить его работать. Каждый день, каждый час приближает нас к еще более ужасающему неравенству, чем нынешнее; чистый доход непрерывно растет, а зарплата непрерывно уменьшается.

Капитал, основанный в Европе после варварского завоевания, есть по существу феодальный капитал. Феодализм был введением во владение рабочими орудиями до варварского завоевания. А индустриальный капитал есть введение во владение орудиями, созданными после варварского завоевания ³⁶.

Производственный процесс, говорит Леру, неразрывен. Работа каждого связана с работой всех. Человеческий труд — труд непрерывный. Индивидуальной работы не существует, есть лишь объединенная работа человеческой ассоциации, проявляющаяся через индивидуальную работу. Чтобы индивидуальная собственность была поистине основана на работе, необходимо, чтобы она была равным образом распределена между рабочими. Одни утверждают, что богатство исходит от земли, другие — что оно исходит от общества, от хорошей или дурной связи между людьми, от человеческой ассоциации. Только ассоциация имеет право на собственность. Причина нашего несчастья в дисгармонии, в диссоциации, во взаимной войне, в которой находятся все члены одного и того же политического общества. Прежде эта диссоциация называлась феодализмом, ныне — собственностью, или капиталом. Она проявлялась прежде посредством войны, ныне — посредством конкуренции. Революция прошла, как буря, а феодализм остался, ибо феодализм есть эгоизм и война. Каждый, побуждаемый ныне потребностью проявить свое право собственности, бросается на предмет, как собака на кость, и принимает этот предмет за свою потребность и свое право. Каждый находит естественным, что миллионер говорит: «это мое», потому что он сам говорит о своем куске «это мое». В определенный момент для создания данной вещи обязательно нужны бывают труд и время какого-то одного. Но всегда необходима также вечная коллективная работа всего человечества. Индивидуальное право является в сущности неразрывно связанным с правом всех на индивидуальную собственность. Каждый признает неразрывность своего индивидуального права с правом всех, и, признавая это общее право, он платит тем самым десятину человечеству. Но если невежество и порок воздвигают преграду, отделяя человека от человечества, — к чему это может привести? Каждый, узаконивая узурпацию в тот момент, когда он чувствует нужду в присвоении продукта, потом представляет дело так, как будто это освящено прочным правом на присвоение этого продукта в любой момент ³⁷.

Я доказал, пишет Леру в заключение своей книги, что собственность неделима в своем существе. Это вытекает из того, что производство стало неделимым и что потребность рода человеческой, лежащая в основе производства, тоже неделима. Богатство производит весь род человеческий. Мы, человечество, есть единство. Собственность, как и производство, как и человеческие потребности, неделима. Не эгоизм, а человеческая ассоциация производит богатство. Благословенны бедные, ибо в их ассоциации, в их общей работе есть творческий закон. О, человеческая ассоциация, восклицает Леру, истинное общество, которое еще не существует, но

³⁶ P. L e r o u x Le carrosse de M Aguado, p 30—31, 33—35, 37—41, 64. 68—71.

³⁷ Ibid , p. 74—75, 80—83, 85—86, 99, 103—104.

которое некогда будет существовать. Если ты уже существуешь в зародыше в мире, если действуюешь и производишь, прежде чем появиться во всем своем блеске и во всей своей славе, которая предназначена для будущего, то ты действуешь и производишь в народе бедном, в народе обездоленном, обреченном то на рабство, то на наемный труд³⁸.

Таким образом, для Леру, как и для сен-симонистов, моральное преобразование — основное условие преобразования социального. Но Леру отнюдь не разделяет безразличия сен-симонистов к политической борьбе и к политическим реформам. По своим политическим взглядам Леру примыкает к традициям руссоизма и французской революции, внося, однако, в политическую теорию Руссо ряд оригинальных черт. Леру отвергает одно из основных положений теории Руссо — учение об общественном договоре, противопоставляя ему свою концепцию органического единства общества. Поскольку существуют люди, существует и общество. Не может быть ни одного действия, ни одной мысли человека, которые не касались бы так или иначе других людей. В социальной философии Леру имеются, несомненно, черты индивидуалистического воззрения. Право, говорит он, создано для индивидуума; против его суверенитета, против его права недействительно никакое иное право, его право выше права государства. Превращение государства в гидру, все охватывающую своими щупальцами, а индивида — в смиренного подданного не может быть целью прогресса и смыслом истории. Однако, с другой стороны, Леру считает неправильным сводить правительство к самым узким пределам, превращая его в жандарма собственности и наследования, а закон — в регулировщика материальных споров индивидов.

Слово «демократия» Леру пишет часто с большой буквы. Совершенство общества, заявляет он, пропорционально свободе всех и каждого. Основной подлинной демократии является справедливость, предполагающая освобождение пролетариата. Такой демократии еще не было. Она может быть организована только на почве общей морали, общей веры. Свободные учреждения — весьма важные позиции в борьбе за интересы самого многочисленного и самого бедного класса. Если бы деспотизму удалось устранить эти гарантии, прогрессу был бы нанесен тяжелый удар, а может быть, он стал бы вообще невозможен.

Существующие политические формы не в состоянии обеспечить «социальное восстановление». Основным принципом политического строя Леру признает народный суверенитет. Но что сделано, спрашивает он, чтобы организовать народный суверенитет? Ничего; наоборот, все сделано, чтобы обеспечить политическое господство богатых. Во Францию перенесли английскую конституцию, установив две палаты, но обе палаты представляют одну и ту же аристократию богатых, монополизируя, таким образом, власть в руках одного класса.

В противовес этой системе Леру в течение некоторого времени защищал идею особой палаты, представляющей пролетариев. В дальнейшем он перешел на позиции всеобщего избирательного права. Необходимо, утверждает он, идти одновременно двумя путями: добиваться путем парламентской реформы возможно более справедливого представительства народа и готовить те решения, которые должно будет осуществить национальное собрание для достижения социальной цели.

Представительное правление есть, как говорит Леру, постоянное и необходимое орудие прогресса, форма, которая подлежит совершенствованию, но которая в существе своем несокрушима. Законодателем в настоящее время может быть только народное представительство. Оно призвано внедрить в республиканские учреждения принцип равенства, поста-

³⁸ P. Leroux. Le carrosse de M. Aguado, p. 117—119, 120—122.

вив себе целью улучшение положения наиболее многочисленного класса — пролетариата Мероприятия, ведущие к этой цели, носят у Леру весьма умеренный характер и намечены им лишь в самой общей форме Это охрана здоровья и заработной платы рабочих, установление для них отпусков, организация общественных работ, доступное для всех образование и т. п. Леру выражает иногда сомнения в способности демократии осуществить необходимые преобразования. Демократия, говорит он, подобна тому древнему воину, который умел выигрывать битвы, но не умел воспользоваться своими победами.

Сокрушаясь по поводу того, что одни думают только о политических формах и пренебрегают социальными задачами, в то время как другие, отмахиваясь от политической реальности, взывают к мессиям и к чудесам (намек на сен-симонизм), Леру осуждает тех утопистов, которые порывают с историческими традициями и «покидают большую дорогу, чтобы обосноваться в маленьких оазисах». Попытки построить внутри большого общества маленькие идеальные общества являются, по его мнению, естественной реакцией против существующего беспорядка и разложения Нет ничего удивительного и в появлении социальных мессий. Но не на этих путях может быть достигнуто освобождение человечества.

Нужно, однако, отметить, что, резко и подчас обоснованно критикуя «пути спасения», предлагаемые другими утопистами, Леру намечает иногда планы преобразования еще более утопические. Таков горячо защищаемый им план создания изобилия средств питания при помощи полного использования человеческого навоза (*sigulus*). Этот «научный» биологический способ разрешения социальной проблемы Леру пропагандировал много лет, не раз выражая при этом изумление по поводу того, что никто не хочет к нему прислушаться³⁹. Иногда у Леру проскальзывала как будто мысль, что предпосылкой этого «преобразования» является изменение социального порядка (ассоциация). Но некоторые из его формулировок могут дать основание предполагать возможность осуществления этого спасительного плана как средства, пригодного при любых социальных условиях.

V

Представления Леру о социальном строе будущего общества довольно неопределенны. Экономисты, утверждает он, исходят из того, что производство не может быть иначе и лучше организовано, чем сейчас что без капиталистов, без индивидуального владения капиталом не будет и богатства. Они принимают горизонт за предельную грань мира. Но капитал, понимаемый в данном случае как совокупность средств труда, всегда является плодом коллективных усилий. В каждой орудии труда заключена коллективная работа человечества, работа целых поколений. Его использование обеспечивается законом, органом общественной ассоциации. Орудие не может ничего создать без труда пролетария. Право распоряжения продуктами коллективного труда должно принадлежать обществу⁴⁰. Сам по себе капитал — прекрасная вещь, но именно поэтому он не может быть оставлен в руках эгоистов, именно поэтому он должен находиться под наблюдением и руководством общественного коллектива⁴¹. Было бы более справедливо, говорит Леру, если бы Франция действительно вступила во владение своим капиталом и открыто признала капиталистов простыми чиновниками, соответственно определив их права и обязанности⁴²

³⁹ P. Leroux. Malthus et les economistes, p 218—219 et passim.

⁴⁰ P. Leroux. Le carrosse de M. Aguado, p 31

⁴¹ P. Leroux. Malthus et les economistes, p 185—196.

⁴² Ibid, p. 202.

: Леру первый употребил во Франции слово «социализм». Но он далеко не всегда соглашался причислять себя к социалистам, разумея под социалистами «авторитарную» школу Анфантена. Социалисты, писал он в 1833 году, приносят индивида в жертву обществу, превращают его в материал, тогда как он должен быть сам судьей своей судьбы. Анфантенское учение Леру считал «пародией на все тирании, какие тяготели над землею». Леру относится с одобрением к содержащейся в учении сен-симонистов критике современного общества с его нищетой, меркантилизмом, всеобщим соперничеством. Но когда сен-симонисты начинают говорить о превращении людей в полки ученых и промышленников, когда они выступают против свободы мысли, Леру охватывает страх перед этим «новым папством». Социальная среда должна быть организована так, чтобы обеспечить свободное развитие индивида, а не мешать ему.

Общество во имя своего блага должно охранять свободу индивида, но индивид для своего блага должен вступать в ассоциацию с себе подобными. Леру отвергает английскую политическую экономию, которая во имя свободы превращает людей в хищных волков, а общество — в совокупность группирующихся в зависимости от случайностей атомов. Если общество рассматривать как агрегат атомов, то общества нет, индивидуальность не имеет пределов, в морали господствует скептицизм, в общественной жизни — эксплуатация добрых злыми. Для сторонников индивидуализма равенство — химера, их система приводит к самому позорному неравенству. Их свобода — ложь, ибо ею пользуется лишь ничтожное меньшинство. Но неверно также, что общество — все, а индивид — ничто, что индивиды — лишь подданные или чиновники, которые должны находить удовлетворение во всем, что служит интересам общества. Признав, что жизнь индивида, отмечает Леру, есть функция социальной жизни, вы придете к деспотизму.

Принцип авторитета отжил свое время; на смену ему пришел принцип индивидуализма. Но уже в «Декларации прав» Робеспьера обнаруживается противоречие между принципом индивидуализма и принципом равенства. Борьба между этими принципами продолжается и теперь. Задача социальной науки — гармонизовать два вышеуказанных принципа. Эта цель не может быть достигнута равным разделом благ, который только увеличит и увековечит конкуренцию. Для ее достижения нужна новая организация производства. Собственность должна быть связана с человеческим трудом, должна стать социальной функцией⁴³.

Один из основных принципов социального порядка — принцип неделимости. Этот принцип господствует и в производстве. В каждом акте производства принимаем участие все мы, весь народ. Столь же нераздельный характер должна носить и собственность. Собственность не есть основа общества; наоборот, она существует лишь с санкции общества. Нелепо выводить индивидуальную собственность из потребностей человеческой природы; из потребностей человеческой природы можно вывести только право собственности для всех или нераздельную собственность⁴⁴. Вместо права тунеядца на десятину должно быть признано коллективное право, право всех и каждого, право человечества⁴⁵. Основным принципом общества должен быть принцип солидарности, выводимой Леру из идеи социального единства. Солидарность преобразует лицо мира.

Орудия труда, утверждает Леру, должны принадлежать обществу. Общество, созданное в общих интересах и общим решением, предоставляет каждому, в соответствии с его способностями, орудия труда и средства развития, составляющие общее наследие человечества. Каждый гражда-

⁴³ P. Leroux. Malthus et les économistes, p. 202.

⁴⁴ P. Leroux. Le carrosse de M. Aguado, p. 33.

⁴⁵ Ibid., p. 99.

нин свободно черпает в этом источнике и создает при помощи своего труда продукт, который составляет его собственное достояние и которым он вправе распоряжаться, как ему вздумается. Леру имеет, по-видимому, в виду осуществление этого права в форме продажи продукта обществу. Общество, согласно определенным правилам, как бы дает займы индивиду средства производства.

Приведенные рассуждения Леру с особой яркостью характеризуют двойственность его классовой позиции. Тенденции пролетарские и тенденции мелкобуржуазные тесно сплетены в его сознании. Он решительный противник мелкобуржуазного «дележа» имущества, он проповедует общественную собственность на средства производства. Но в то же время он боится общественной организации производства, боится «связывающей индивида» дисциплины. Он считает, что продукт является всегда результатом коллективного труда. Но он боится общественной организации распределения, боится нарушения права индивида на продукт его труда. Он мечтает о таком порядке, при котором не будет более противоречий между индивидуумом и обществом, мечтает о «синтезе» индивидуального и коллективного начал. Но изображаемый им порядок с «арендой или займом» средств производства и с «продажей» продукта, конечно, такого синтеза нисколько не обеспечивает. Леру не дает детального описания своей идеальной общественной системы в действии. Мы не знаем поэтому, как должен был бы происходить «займ» сложного оборудования больших индустриальных предприятий, кто и как должен был «продавать» произведенный этими предприятиями продукт. Утопия Леру логически предполагает ремесленное производство. Однако Леру не является врагом машинной индустрии: выступая резко против индустрии капиталистической, он почти всегда оговаривает, что индустрия сама по себе есть прекрасная вещь; он приветствует осуществляемый индустрией рост производительности труда, рост власти человечества над внешним миром. Трудно сказать, понял ли сам Леру, что его стремление к синтезу коллективизма и индивидуализма привело его в тупик. Во всяком случае ко времени февральской революции его отношение к социализму изменилось. В 1848 году и позже он неоднократно называл себя социалистом.

Столь же противоречиво отношение Леру к классовой борьбе и к революции. Понимая неизбежность классовой борьбы пролетариата, высоко оценивая историческое значение революции, восхваляя революционных деятелей, он противопоставляет революции некий «идеал» как средство умиротворения. Синтез революции и социального идеала для Леру невозможен. Здесь он опять оказывается в тупике, из которого находит лишь воображаемый выход при помощи своей религии человечества, при помощи учения о провиденциальном плане, осуществление которого «неизбежно».

Эта двойственность, эта противоречивость учения Леру не случайна, как не случайно его учение о классах, включавшее в ряды пролетариата значительную часть мелкой буржуазии. Леру, как и Сен-Симон, субъективно стремился представлять интересы «самого многочисленного и самого бедного класса». Он, как и Сен-Симон, понимал уже, что в современном обществе таким классом является пролетариат. Но грань, отделяющая пролетариат от мелкобуржуазных низов, была еще очень неясна во французском обществе 30-х годов XIX века. В той пестрой плебейской массе, которую Леру именовал пролетариатом, происходил процесс образования подлинного пролетариата, намечались ростки новой, пролетарской идеологии. Но наряду с новым в этой среде еще пользовались весьма глубоким влиянием идеи и настроения, характерные для низов мелкой буржуазии. Эта неразвитость социальной базы и нашла свое отражение в учении Леру, в его двойственности, в его противоречиях. Мелкобуржуазные

тенденции доминируют во всем его построении. Пропаганда Леру с ее реакционной мистикой, с ее учением о моральном преобразовании общества, о социальной гармонии могла лишь тормозить развитие классового самосознания пролетариата и в этом смысле имела, несомненно, реакционное значение. Нося на себе отпечаток определенного, переходного периода в развитии социальных отношений, идеалистическая философия Леру именно в силу этого соответствия условиям момента имела временный успех — по преимуществу среди мелкобуржуазной интеллигенции и ремесленного пролетариата. С ростом классовой дифференциации она неизбежно должна была утратить свой эфемерный авторитет. Революция 1848 года, нанесшая, как указывал В. И. Ленин, смертельный удар всем формам домарксовского социализма ⁴⁶, не пощадила, разумеется, и утопической системы Пьера Леру. Во французском рабочем движении последующих лет учение Леру не пользовалось никаким влиянием.

Ссылки на материалы к теме

В.Волгин. Очерки истории социалистических идей.

Перв. половина 19 в.

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/volgin7.pdf>

В.Волгин. Сен-Симон и сенсимонизм

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/volgin_s-simon.pdf

В.Волгин. Французский утопический коммунизм

http://narod.ru/disk/8863360000/volgin_soc1.pdf.html

Г.Кучеренко. Сен-симонизм в общественной мысли XIX в.

http://vive-liberta.narod.ru/biblio/stsimon_kucherenko.pdf

Изложение учения Сен-Симона

(лекции Базара, Анфантена, Родрига)

/ перевод с франц. Э.А.Желубовской, вступит.статья В.П.Волгина

<http://vive-liberta.narod.ru/doc/st-simon.pdf>

⁴⁶ См. В. И. Ленин. Соч., изд 5, т. 23, стр. 2.